

«Святочный рассказ» П. В. Засодимского «Перед потухшим камельком (Из воспоминаний одного моего знакомого)» в контексте жанровых разновидностей духовно-календарной литературы

В статье рассматриваются вопросы жанровой природы «святочного рассказа» П. В. Засодимского «Перед потухшим камельком», исследуется его связь со святочной, пасхальной и рождественской разновидностями духовно-календарной словесности в построении образа героя и сюжета.

Ключевые слова: П. В. Засодимский, «Перед потухшим камельком», святочный рассказ, рождественский рассказ, пасхальный рассказ, архетип ребенка, архетипический мотив предательства.

Lyudmila Vigerina

"Christmas Story" by P. V. Zasodimsky "In front of an Extinct Fireplace (From the Memoirs of a Friend of Mine)" in the Context of Genre Varieties of Spiritual and Calendar Literature

The article deals with the issues of the genre nature of the "Christmas story" by P.V. Zasodimsky "In front of an Extinct Fireplace", explores its connection with the Yuletide, Easter and Christmas varieties of spiritual and calendar literature in the construction of the image of the hero and the plot.

Key words: P. V. Zasodimsky, "In front of an Extinct Fireplace", Yuletide story, Christmas story, Easter story, child archetype, archetypal motive of betrayal.

Термин «святочный рассказ», с одной стороны, обозначает жанр календарной словесности: рассказ, приуроченный к святкам, где действуют злые силы, черти, искушающие человека, происходит встреча человека с потусторонним миром, а с другой – подразумевает широкий круг текстов календарной словесности, используется как родовое понятие, а не видовое. Совершенно справедливо указала в свое время Е. В. Душечкина, что к концу XIX столетия «термин святочный рассказ, во-первых, стал «покрывать» любой календарный текст, а во-вторых, иногда вовсе утрачивал свою календарную закрепленность,

отчего временная его характеристика оказывалась нейтральной: время происхождения переставало играть какую бы то ни было роль. Ведущим показателем принадлежности произведения к этому жанру становилась не временная его приуроченность и устное функционирование, а его тематика – мотивы, сюжет» [1, с. 214].

Исследования последних лет идут в направлении уточнения, разграничения понятий «рождественский рассказ», «святочный рассказ», «пасхальный рассказ». Так, В. Н. Захаров справедливо указывает, что «рождественский» рассказ и «святочный» – «это не одно и то же, тем более что исконно западно-европейский “рождественский рассказ” и русский “святочный рассказ” говорят о разном: один – о христианских заповедях и добродетелях, другой – об испытании человека Злым Духом» [3, с. 249]. Пасхальный рассказ связан с праздниками Пасхального цикла, сюжетами его являются «духовное проникновение», «нравственное перерождение человека», прощение во имя спасения души, воскрешение «мертвых душ», «восстановление» человека» [3, с. 256].

В диссертации С. Ю. Николаевой «Пасхальный текст в русской литературе XIX века», посвященной доказательству самостоятельности жанра пасхального рассказа в русской литературе и анализу его поэтики, выделяется ряд константных признаков этого жанра: «пасхальный текст имеет свою мифологию, в частности, эсхатологический миф о страшном суде, миф о бессмертии или гностический миф об Иуде» [4]. Основными мотивами, определяющими принадлежность текста к пасхальному, являются: «поиски пути, всеобщей любви, чуда перерождения, золотого века, искупительной жертвы, покаяния, милосердия, страдания, креста, дара, моления, раскаяния, блудного сына, предательства, фарисейства, отречения» [4].

Очевидно, что в русской литературе XIX века, с одной стороны, наблюдается тенденция формирования канона той или иной разновидности календарной словесности со своими специфическими константными признаками, а с другой – к концу века отмечается размывание четких границ жанров календарной словесности, что свидетельствовало об их кризисе [1; 4]. Все это необходимо учитывать при анализе конкретных произведений духовно-календарной словесности.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть «святочный рассказ» «Перед потухшим камельком» (1891) П. В. Засодимского с точки зрения его жанровой природы, связи с разновидностями календарной словесности, а также объяснить причины обращения писателя к тем или иным мотивам рождественской, святочной, пасхальной словесности и синтеза их в исследуемом произведении.

Предварительная гипотеза состоит в том, что П. В. Засодимский не ориентировался на одну из жанровых разновидностей (святочную, рождественскую, пасхальную, новогоднюю и т.д.), а сочетал мотивы и образы разных календарных циклов в соответствии со своим художественным замыслом. В его творчестве термин «святочный рассказ» «покрывает» собою любые произведения календарной словесности. Выбор тех или иных элементов календарного комплекса определялся, по нашему мнению, ведущей темой, идеей, сюжетом и типом героя будущего художественного произведения.

Рассказ «Перед потухшим камельком» снабжен авторским подзаголовком «святочный рассказ». На самом деле от святочного рассказа в нем только приуроченность к святкам, встреча с привидением, да и то оказавшимся мнимым, так как на самом деле это – белая занавеска, которой играет ветер, а также мотивы холода, метели, тьмы, образ «месяца бледного, как мертвец». Можно говорить о встрече с мертвецами в сюжете рассказа только условно: герой вспоминает об умершем сыне и Леночке, «разговаривает» с ними. Эта «встреча» имеет внутренний психологический характер, герой «оживляет» в своем воспоминании образы сына и сожительницы, стараясь понять, хорошо ли он «тогда» поступил с ними, виноват ли он в своем одиночестве, виноват ли в трагизме судеб сына и его матери. Однако ведущими в рассказе являются мотивы, образы, атрибуты, символы, архетипы рождественские и пасхальные, введение которых в художественную структуру произведения обусловлено тематикой и проблематикой рассказа, а также типом героя и сюжета: проблема предательства интеллигенцией 1880–90-х годов гуманистических идеалов, тип кающегося героя, сюжет преображения и воскресения падшего человека.

Рассказ «Перед потухшим камельком» интерпретировался советским литературоведением как «гневное осуждение себялюбия, эгоизма», как «страстный призыв посвятить свою жизнь большим общественным идеалам, ибо после жизни, прожитой «для себя», «остается только холодный пепел» – как в камельке: «Рассказ, написанный в годы безвременья, будил сознание читателей, утверждал идею общественного служения как высшего человеческого блага» [7]. И это справедливо. Однако это только один из пластов содержания рассказа, раскрывающий конкретно-исторический смысл его: «воспоминания» героя отражают историческую ситуацию 1880–90-х годов, эпоху безвременья, и особый тип личности, порожденный этой эпохой. Глубинная идейно-художественная перспектива образа героя, созданного писателем, может быть уяснена, если обратиться к исследованию жанровой природы и поэтики рассказа.

Рассмотрим подробнее, как функционируют в рассказе компоненты святочного, рождественского и пасхального рассказов.

I.

В художественной системе рассказа «Перед потухшим камельком» присутствуют традиционные для рождественской литературы образы огня, даров, колокольного звона, архетипы ребенка и матери, характерное противопоставление праведника герою-антагонисту, культ семьи, домашнего тепла, очага (этот традиционный для рождественских историй образ, вошедший в русскую литературу под влиянием рождественских рассказов Ч. Диккенса, вынесен автором в заглавие и тем самым маркирует предлагаемую историю как рождественскую).

Важнейшими «рождественскими» мотивами в исследуемом рассказе являются встреча «злого» испорченного героя с ангелом, Леночкой, и рождение сына. В рождественском рассказе такая встреча с персонажем, воплощающим христианские добродетели, встреча с ангелом или Христом всегда оказывается спасительной для героя, преображает его духовно. В рассказе П. В. Засодимского такая история приобретает характер антирождественский: герой погубил Леночку и отрекся от сына, отдав его тайно от матери в воспитательный дом.

Сюжетный мотив рассказа «младенец приносится в жертву эгоизму героя» соотносится с библейским мотивом избиения младенцев Иродом. Этот мотив позднейшие богословы толковали и в широком символическом плане. Так, читаем в «Письмах келейных» Тихона Задонского: «...беззаконные люди на любое зло дерзают, только чтобы прихотей своих не лишиться. А особенно сильные и властные, но беззаконные страшное зло в обществе делают, ибо им не страшно на всякое зло дерзать, когда видят какое препятствие своим прихотям» (Письмо 66). Алексей Петрович стремится избавиться от младенца, который будет ему помехой, обузой на его Острове Личного Благополучия, как Ирод стремился убить всех младенцев, чтобы не лишиться власти, чтобы расправиться с родившимся Царем Иудейским.

Как Рахиль просит Ирода за своего сына, так и Леночка просит оставить ей Сашу, не увозить его, уверяет, что он не будет мешать Алексею Петровичу: «Милый! Он у меня не будет плакать... Уверяю тебя». Однако скорее ассоциации в данном случае связаны не с библейским образом Рахили, а с фольклорным, известным по представлениям русского вертепного театра. Рахиль обычно в русской и восточно-украинской традиции вертепного театра изображается как мать, не выдавшая своего сына воинам Ирода, просящая у царя: «Дай моему дитю хоть на три года жизни», «Дай моему дитю хоть на три дня

жизни», «Дай моему дитю хоть на три часа жизни», умоляющая: «Да он же у меня один, да такой маленький, да от него никому нет зла».

Характерной чертой рождественских историй является противопоставление праведника злому герою. В рассказе П. В. Засодимского Алексей Петрович и представляет героя-антагониста, противостоящего Елене Александровне Неведовой, в образе которой подчеркнута детское, невинное начало: «Когда мои глаза встречались с этими голубыми детски-простодушными глазами, мне сдуру казалось, что они каким-то чудом могут увидеть все то, что скрывается на дне моей души...». Белокурые волосы и «белое крылышко на ее шляпке» создают образ, соотносимый с образами ангелов, херувимов на рождественских открытках или картинках. Такая ассоциация с образами изобразительного искусства или изобразительной продукцией инициирована автором, вложившим в уста героя признание: «И живо-живо, точно на картине, представился мне тот святочный вечер, когда я впервые встретился с нею...». Так автором намечается своеобразие восприятия читателем «картин» рассказа: сквозь «магический кристалл» изобразительного искусства: описания Засодимского пробуждают в сознании читателя ассоциации, воспоминания, связанные с тем или иным художественным полотном, с праздничной открыточной продукцией и т.д. В целях визуализации той картины мира, которую создал писатель, восприятие читателя направлено сквозь призму произведений изобразительного искусства. При этом экфрасис в рассказе можно определить как нулевой, неатрибутированный, только определяющий вид искусства с его характерными чертами.

Герой признается, что с некоторым удивлением (потому что сам не верит в человека, не верит ни во что, как подпольный герой Ф. М. Достоевского) встретил в Елене Александровне такие качества, как чистота, наивность и невинность, в существование которых в действительной жизни он не мог верить: «Не перлы и алмазны скрываются на дне человеческой души: эти тайники по большей части представляют собой нечто вроде мусорных ям...».

Праведность героини подчеркнута ее именем Елена, что в переводе с греческого означает «свет» [5, с. 108]. Имя героя, напротив, дано ему по контрасту с его внутренним содержанием: «Алексей» от греческого слова, в переводе значащего «защищать» [5, с. 45]. В сюжете рассказа он мог стать защитником сироты Елены, однако становится ее губителем. Так подчеркивается фальшивость героя.

Образ Елены вызывает ассоциации как с Еленой Прекрасной греческих мифов и сказаний, так и с равноапостольной Еленой. Святая Елена является

небесной покровительницей героини: подчеркнутая деталь ее портретной характеристики (черный крест на груди) может быть напоминанием о Елене равноапостольной, с которой связано обретение Животворящего Креста Господня, его воздвижения, установления церковного праздника Воздвижения Креста Господня. Этот черный крест на груди Елены Александровны был единственной ее драгоценностью, но не материальной, как думает герой, а духовной.

Изображение Леночки как матери с ребенком в контексте рождественского рассказа связывает ее образ с Богородицею: «Мать в ту же минуту взяла дитя, и дитя мигом утешилось у нее на груди. С какою любовью, с каким восторгом Леночка смотрела на него!» [2].

Образ дитя проявляет в рассказе сакральные черты. Алексей Петрович признается, как поразил его необыкновенный, пронизывающий взгляд сына-младенца: «Глазенки – чистые, как ясное небо в майское утро – казалось, пристально, пытливо посмотрели на меня, – словно этот выходец из тьмы небытия хотел спросить: “зачем вы меня вызвали на божий свет?..” Мне на мгновение стало как-то жутко под взглядом этих ясных глаз, еще никогда не лгавших и не выдавших никакой житейской мерзости. Я даже вздрогнул» [2].

Черты Божественного дитя проступают в образе Саши, сына Леночки и Алексея Петровича, еще в одном эпизоде – первого поцелуя отца и сына: «Я нехотя прикоснулся слегка губами к его нежной щечке, но вдруг лицо его сморщилось, губы сложились в горькую гримасу. Ребенок заплакал. Вероятно, я уколол его своей бородой или усами... Ведь не мог же он, разумеется, понять смысла моего холодного, недоброжелательного взгляда на него; не мог же он – этот кусок мяса – знать, что я вовсе-вовсе не рад его появлению, что без него мне было гораздо удобнее с Леночкой наслаждаться жизнью. “Началось!” – подумал я, глядя на плачущего ребенка. А, однако, знаменательно... Мой поцелуй заставил сына в первый раз заплакать...» [2].

Алексей Петрович отметил «знаменательность» этого поцелуя, вызвавшего плач ребенка, но не задумался о смысле события. Знаки, посланные герою: особенный пронзительный взгляд младенца, как на иконах Иисуса Христа, плач, как будто свидетельствующий о прозрении младенцем своей судьбы, – не остановили его в эгоистическом стремлении к удовлетворению собственных желаний, прихотей, выгоды любыми средствами, даже ценой жизни других людей.

Рождественский рассказ о чуде воссоединения семьи, об обретении сиротой счастья трансформируется в антирождественскую историю, которая заканчивается смертью и матери, и младенца, вина за которую лежит на герое.

Идея единения семьи – важнейшая для рождественской словесности – обрамляет повествование, создает своего рода композиционное кольцо. Рассказ начинается с признаний героя в своем одиночестве («Святки на дворе, а я сижу дома один-одинехонек») и повторяется не раз в повествовании: «Странно! Вокруг меня – целый мир, все человечество, а я между тем чувствую себя отрезанным от мира, совсем одиноким, словно живу на каком-нибудь необитаемом острове... Я живу на острове Личного Благополучия». В финале герой мечтает о семейном идиллическом круге: о сыне, красивом, стройном, которому было бы уже восемнадцать лет, о детях, которые могли бы быть у него с Леночкой, о Леночке, которая подошла бы сейчас, обняла, поцеловала. Он признается: «Мне захотелось к людям... Мне страстно захотелось, чтобы теперь кто-нибудь был со мной, мне хотелось слышать чей-нибудь приятный голос, веселый смех и шум, оживленный разговор...» [2]. Однако преодолеть одиночество герою не удастся, чуда не происходит, потому что эгоизм в нем укоренен так глубоко, что чувства и мечты, разбуженные особенным праздничным временем, лишь сиюминутная слабость, прихоть. «Как спокойна жизнь холостяка», – замечает Алексей Петрович, и это спокойствие он не променяет ни на что. А риторический вопрос, обращенный к себе самому: «Отчего ж в этот святочный вечер напала на меня такая смертная тоска?» – лишь смутное ощущение героя, что в жизни его что-то не так, но что – этого ему не дано понять, да и исходя из логики образа ясно, что герой и не будет искать истоков этой тоски, так как не верит в человека, человеческую привязанность, любовь к ближнему.

Традиционный рождественский образ окна/витрины в рассказе Засодимского также трансформируется в духе антирождественского рассказа. Обычно в рождественской и святочной литературе бедные герои из своей нищеты, безотрадной жизни заглядывают в окна благополучного дома, где стоит елка, разложены рождественские подарки, накрыт праздничный стол, или заглядываются на богатые витрины магазинов, где выставлены праздничные угощения, игрушки и пр. Такой уютный дом символизирует гармонию и мир на земле, является прообразом рая, где закон жизни – любовь к ближнему. У Засодимского, напротив, взгляд Алексея Петровича направлен из благополучного дома, где горят свечи, растоплен камин, стоит угощение, вовне, на улицу, где холодно, метет метель, завывает ветер. В герое рождается потребность посетить ту квартиру, где некогда он был счастлив с Леночкой, увидеть тот сосновый лес, где проходили их свидания. В этом смутном желании проявляется неосознанное героем признание, что счастье было, но он сам погубил его. Это желание преодолеть границы «Острова Личного Благополучия» могло

стать первым шагом на пути осознания своих ошибок, покаяния и возвращения к людям, на пути к возрождению. Однако герой так и не смог совершить этот шаг.

Переосмысливается писателем и образ уютного праздничного пространства с камельком, который становится образом антимира, потому что в нем есть, казалось бы, все, но нет любви и добра, нет детского смеха, нет семьи, нет близких: «Вокруг меня было тихо, как в могиле...», «В моих комнатах, обставленных довольно комфортабельно, мне вдруг показалось так же холодно и пустынно, как в том сосновом лесу, занесенном снегом...» [2].

Еще один характерный для рождественской словесности образ-символ входит в художественную систему рассказа «Перед потухшим камельком» – образ огня. «В рождественские дни особенно актуальное звучание обретает метафора жизни как данного Богом огня...», – указывается в диссертации С. Ю. Николаевой [4]. В рассказе П. В. Засодимского образ огня заменяется на образ потухшего огня, пепла, дыма, соответствующий содержанию антирождественского рассказа.

«Потухший огонь» становится лейтмотивом рассказа: он появляется в названии – «У потухшего камелька» – как символ угасшей жизни героя, как метафора мертвенности его души (героя можно определить толстовской формулой «живой труп»), далее – в образе праздничных свечей, которые герой «потушил», в финале рассказа – в метафорическом исповедальном признании героя: «Все прогорело и потухло... и от “дел давно минувших дней” остался только холодный пепел».

Жизнь как потухший камин, жизнь, в которой нет живого огня, – такой образ становится одним из распространенных и устойчивых в русской литературе 1880–90-х годов в изображении и оценке русской действительности и русского человека этого исторического периода. Это демонстрирует творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина (роман «Господа Головлевы»), Л. Н. Толстого («Анна Каренина»), поэзия С. Я. Надсона, А. Н. Апухтина и других.

II

Среди компонентов рассказа, отсылающих к святочной словесности, следует назвать фантастический элемент, образ привидения, явившегося в воображении героя, создание атмосферы страха и ужаса:

«Вдруг мне показалось, что кто-то подошел сзади к моему креслу... не подошел, а, осторожно, на цыпочках, тихо подкрался. Было мгновенье, когда мне даже почудилось, что кто-то наклонился надо мной, чье-то дыхание коснулось моей щеки, и этот кто-то, неслышно подкравшийся ко мне, нежно, чуть дотрогиваясь, провел рукой по моим волосам, как бы желая погладить, приласкать меня... Я не выдержал, раскрыл глаза и, круто повернувшись в кресле,

оглянулся назад. Это движение мне стоило больших усилий: мне ужасно не хотелось оглядываться; мне было очень трудно повернуть голову. Так во сне иногда бывает трудно пошевелить рукой или ногой, хотя – по ходу сна – ясно сознаешь, что от этих движений зависит вопрос о жизни и смерти...

Я от природы – не трус.

Но тут, перед камином, в этот несчастный святочный вечер, куда вдруг девалось все мое мужество!.. С усилием оглянувшись назад, я увидел за креслами довольно высокую, белую, призрачную фигуру. И этот призрак не то с укором, не то с сожалением тихо покачивал головой. Так по крайней мере мне почудилось одно мгновенье» [2].

Однако сам герой пытается объяснить фантастическое реалистически, что однако не снимает того психологического потрясения, которое он пережил:

«В действительности, разумеется, не было никакого призрака. Людям в здравом рассудке – таким, как я, привидения не являются. А дело было очень просто... Из зала, где горела лампа, свет полосой проникал в кабинет через отворенную дверь и падал на белую тюлевую занавесь у окна. Моя комната была погружена в полусумрак, и оттого белая занавесь, ярко озаренная, слишком рельефно выступала в окружающей ее темноте и могла на одно мгновение превосходно разыграть роль призрака... Сердце мое все-таки сильно билось, как будто я в самом деле пережил какую-нибудь действительную опасность; руки мои похолодели, и по спине пробежал какой-то неприятный озноб. Для того чтобы подобной истории не повторялось, чтобы опять не сделаться игрушкой своего собственного воображения, я встал, зажег свечи на письменном столе...» [2].

Если для рождественского пейзажа характерной особенностью является обязательное описание звездного неба, Рождественской звезды, символизирующей появление Спасителя, надежду на воскресение, то для святочного рассказа более характерен зловещий пейзаж с ветром, метелью, из которой и появляются черти и прочая нечисть. В рассказе П. В. Засодимского пейзаж за окном, который видит герой, обладает всеми приметами, характерными для святочной словесности: «Метель... Снег так и крутится в воздухе. Месяц, бледный, как мертвец, выглядывает из-за пронсящих по небу облаков...». В воображении героя возникает и образ того соснового леса, в котором когда-то проходили свидания Леночки и Алексея Петровича. Он пытается представить этот лес так, как он может выглядеть в этот зимний вечер: «сугробы снега, ветер печально воет, холодно и пусто».

Едва ли не обязательной чертой святочной словесности является общение героев с загробным миром, с мертвецами. В рассказе «Перед потухшим ка-

мельком» так же происходит встреча с мертвецами, однако она носит виртуальный, психологический характер: герой ведет с ними внутренний диалог: «Ни разу я не видал Леночку во сне. А уж если бы увидел, непременно спросил бы ее, что она думает обо мне? Простила ли?»

Встреча с мертвецами должна привести героя к осознанию ценности жизни, к пересмотру своего отношения к миру и людям, однако этого не происходит: герой ощущает лишь смутную тревогу, неосознанное смятение, что что-то не так в его жизни.

В святочных рассказах злая сила воплощается в чертях, в демонизированных персонажах, но в рассказе П. В. Засодимского она таится в самом герое, а не во внешнем мире.

Мотив искушения злой силой, чертовщиной человека переосмыслен в рассказе в мотив искушения «островом Личного Благополучия», материального богатства, комфорта жизни. В жертву комфорту, эгоизму приносятся человеческие жизни. Герой мог бы сказать словами подпольного человека Ф. М. Достоевского: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чаю всегда пить», и это вполне соответствует логике образа Алексея Петровича.

III

Наряду с рождественскими и святочными элементами в структуре рассказа «Перед потухшим камельком» обнаруживаются компоненты пасхального текста: фарисейство героя, мотив предательства, отречения, покаяния, прощения, а также упомянутое в тексте имя Пилата отсылает к пасхальному циклу.

В структуре образа Алексея Петровича можно обнаружить черты, позволяющие соотнести его с книжниками и фарисеями. Слово «фарисей» приобрело нарицательный смысл: лицемер. Алексей Петрович лицемерит, цинически играет словами, чтобы соблазнить Леночку. Он сам признается, что пришлось толковать с ней о философии, политике, женской эмансипации и прочем, что он воспринимает как современную дребедень, лишь для того чтобы завоевать ее внимание. В дальнейшем он обманывает Леночку, что отправил Сашеньку матери, а сам отвозит его в воспитательный дом, он лживо и цинически доказывает героине, что ребенок не даст ей возможности реализовать ее гражданские обязанности, поэтому необходимо отказаться от него.

Как фарисеи утратили живое ощущение слова, так и Алексей Петрович поставил слово на службу «Личному Благополучию». Слова для него не имеют

ценности, внутреннего содержания, он жонглирует ими, исходя из собственной выгоды.

Слово «фарисей» происходит из древнееврейского языка и означает «отделившийся», «обособившийся». Фарисейство героя может толковаться и как обособление от людей, отказ от общечеловеческих ценностей.

Фарисеи называли себя мудрецами и книжниками. Алексей Петрович считает, что он знает человека, человеческую природу, а не философы, поэты, романисты, которые выдумали любовь, честь, благородство:

«Меня всегда удивляло, что на человеческом языке существует так много очень красивых, звучных слов, но притом совершенно бессмысленных. Вот хоть взять “угрызения совести”... Ведь от таких слов у иной несчастной старушонки последний волос на голове дыбом встанет. А если хорошенько разобрать все эти ужасные глаголы, то и окажется – ерунда.

Пушкин, например, наш препрославленный певец женских “персей”, “ручек” и “ножек” – говорит, что “совесть – когтистый зверь, скребущий сердце, незваный гость, докучный собеседник, заимодавец грубый (?)... ведьма, от коей меркнет месяц (?) и могилы смущаются и мертвых высылают!..” Что ж это такое, как не набор фраз? Я готов голову прозакладывать за то, что “угрызения совести” выдумали романисты. Эти каналы – большие мастера сочинять для потехи всякие страшные и жалкие слова. Меня, например, совесть никогда не мучила, хотя и я, конечно, по слабости, присущей человеческой натуре, поступал иногда дурно, не совсем правильно. В часы ночной бессонницы “когтистее” клопа или блохи никакой зверь меня не кусал...» [2].

Отличительной особенностью фарисеев является сребролюбие: «Слышали все это и фарисеи, которые были сребролюбивы, и они смеялись над Ним» (Лк. 16: 13-15). Сребролюбие подчеркнуто в образе Алексея Петровича: он считает деньги, потраченные на подарок экономке, всю жизнь помнит о долге перед ним его студенческого приятеля Черемухина, помнит, что пришлось ему заплатить около рубля с полтиной за учебник Васи, брата Леночки, за угощения для ее семьи и т.д.

Решение жить совместной с Леночкой жизнью было продиктовано выгодой героя: «Положим, расходы мои увеличились, – но что ж делать! Ведь мне все равно – рано ли, поздно ли – пришлось бы тратиться на содержанку или платить какой-нибудь... Там, глядишь, я мог бы нарваться на дрянь, на какую-нибудь паршивую, нахальную бабу, а тут уж по крайней мере девушка заведомо порядочная, честная, “барышня” из благородного семейства, притом – вполне здоровая».

В Евангелии фарисеи уподоблены «окрашенным гробам»: «снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты, так и

вы по наружности кажетесь людьми праведными, а внутри исполнены беззакония и лицемерия» (Мф. 23, 27-28).

Герой говорит о человеческой природе, следовательно, и о самом себе: «Не перлы и алмазны скрываются на дне души человеческой. Эти тайники по большей части представляют собой нечто вроде мусорных ям».

Как фарисей в притче о мытаре и фарисее уверен в своей праведности, так и Алексей Петрович считает себя порядочным человеком, совсем «не извергом человечества», и в своих воспоминаниях стремится оправдать свои поступки, объяснить их разумными, как он считает, доводами, на самом же деле разоблачает себя перед читателями как циничный и жестокий по отношению к ближнему.

В притче о мытаре и фарисее говорится:

«Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: *Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю.* Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: *Боже! будь милостив ко мне грешнику!* Сказываю вам, что сей пошёл оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18. 9-14).

Путь к Богу начинается с покаяния, поэтому на неделе мытаря и фарисея в храмах звучит песнь «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...» Этим путем мог пойти и герой рассказа П. В. Засодимского, который задумывается о своей вине и о прощении, однако он тотчас же задается вопросом: «То есть, собственно, в чем же?». Исповедь героя – «исповедь с лазейкой» (М. М. Бахтин), это не столько истинное осознание своей жизни, признание ошибок, раскаяние, сколько попытка оправдать свое поведение.

В контексте рассказа образ Алексея Петровича соотносится еще с одним евангельским персонажем – с образом Иуды, предателя Христа. Мотив предательства, отречения – один из мотивов, маркирующих пасхальный текст. Алексей Петрович предает ребенка, который в русской христианской традиции символизирует Христа. Связь образа героя с евангельским Иудой подчеркивается эпизодом с поцелуем, «поцелуем Иуды», о котором уже упоминалось ранее в данной статье: когда герой впервые прикоснулся губами к щеке сына, тот вдруг заплакал. Герой хочет уверить себя, что этому есть простое объяснение: он уколол младенца своей бородой или усами, но в то же время в глубине

его сознания живет догадка: а что если тот все понял, понял смысл «холодного, недоброжелательного взгляда на него».

Сам Алексей Петрович соотносит себя с Пилатом: «Я несколько раз также ездил в воспитательный дом узнавать о судьбе нашего сына. Сначала мне сказали одно, потом – другое и наконец, вероятно для того, чтобы отвязаться от меня, объявили, что Саша умер. Может быть, и в самом деле <...>. Но я сделал что мог и чувствую себя более вправе, чем Пилат, “умыть руки”...»

Образ Понтия Пилата неразрывно связан с судьбой Иисуса Христа, в которой он выступает как предатель и антигерой: трижды во время суда он отказывался предать смерти Иисуса Христа, но они кричали и требовали: «Распни его!»: «И Пилат решил быть по прошению их и отпустил им посаженного за возмущения и убийства в темницу, которого они просили, а Иисуса предал в их волю» (Лк. 23:21). При этом он вышел к народу и умыл перед ним руки, что в иудейском обычае символизировало невинность в пролитии крови.

Повторяя слова Пилата, герой разоблачает себя как предателя и преступника. Автор таким сопоставлением героя с Пилатом произносит суд над Алексеем Петровичем: как и Пилат, он находится вне Истины. Заметим, что образы Христа и Пилата становятся в русской художественной культуре последней четверти XIX века воплощениями двух типов личностей, через осмысление которых открывалось содержание переживаемого исторического периода и сущность «героя времени»: образ Иисуса Христа интерпретируется как образ героя, которого взыскует время, а Понтия Пилата как антигероя, предателя гуманистических ценностей. Тема эта находит свое отражение в творчестве Н. Н. Ге («Что есть истина?») (Христос и Пилат), 1890), И. Крамского («Христос в пустыне»), В. Д. Поленова (цикл «Из жизни Христа»), Ф. М. Достоевского («Легенда о Великом Инквизиторе») и других.

Герой Засодимского не раскаивается в содеянном, но в особенное – праздничное – время его человеческая природа бунтует против него самого, пробуждается совесть, возникает смутное сомнение в своей невинности, но путь преобразования закрыт для героя: тоску и тревогу Алексей Петрович пытается «победить» «разумными» доводами, своеобразной апелляцией к «общим мнениям», к искаженно трактуемым им цитатам из произведений Шекспира и Пушкина:

«“Плачь, жалкий человек! Плачь!” – припомнилась мне в ту минуту одна чувствительная фраза из какого-то романа. Вот не терплю вечно ноющих и причитающих людей!.. Самозванные пророки Иеремии... “Жизнь для жизни мне дана!” Вот это – так! Это я понимаю... Это значит: “Пиф-паф, тру-ля-ля!..»

Смотрите тут, смотрите там...” Или как у Шекспира, – сколько помнится, в “Генрихе IV”, – Сайленс говорит:

Будь что будет – все равно,
Были б девки да вино!

Я старался перевести свои мысли на другие рельсы и устремить их на “веселенькие сюжеты”...

Нет! Думы мои мчатся все по тому же направлению... Все как будто чего-то жаль, чего-то совестно... Но – если разобрать хорошенько – чего же мне совеститься? Не я первый и не я *последний* обманул женщину и подбросил своего ребенка в воспитательный дом!.. И чего ж мне жалеть? Положим, вокруг меня уж слишком тихо, пусто... А зато, с другой стороны, как спокойна жизнь холостяка... Разумеется!.. Но... Господи! Да что ж это? Отчего ж в этот святочный вечер вдруг напала на меня такая смертельная тоска?

Хоть уж поскорее прошли бы эти праздники...»

Таким образом, в «святочном рассказе» «Перед потухшим камельком» можно выделить несколько сюжетных линий, отсылающих к традициям различных жанров календарной литературы и к различным мифам: а) с рождественским мифом связаны встреча героя с ангелом Еленой Александровной, рождение сына, б) со святочной традицией – воспоминания о мертвецах, встреча с ними, хотя бы в виде призраков и в воображении, в) центральным сюжетом является пасхальный сюжет и, в частности, сюжет предательства и воскресения / невоскресения.

Рождественская встреча героя с посланным ему ангелом Еленой Александровной Неведовой должна была стать чудом перерождения его, исправления, однако этого не происходит, – так глубоко оказывается искажена его человеческая природа. Встреча с мертвецами, воспоминание о погубленных им жизнях могла бы привести душу героя в состояние катарсиса и освобождения от той лжи, в которой он пребывает, однако герой оказывается неспособен принять правду о себе.

Пасхальный круг сюжета, связанный с предательством и отречением от сына и Леночки, должен был привести героя к покаянию и будущему воскресению, однако автор отказывает герою в такой возможности.

Образ Алексея Петровича перекликается с литературным персонажем эпохи безвременья, созданным М. Е. Салтыковым-Щедринным в романе «Господа Головлевы» (1875–1880): и тот, и другой играют словами, которые для них утратили внутренний смысл, увлекают своих жертв, на счету и того, и другого – ряд «умертвий». Особенно показательна близость в сопоставляемых произведениях двух мотивов: 1) предательство ребенка, отречение от него

(Иудушка Головлев отправляет в воспитательный дом своего сына Владимира, прижитого от Евпраксеюшки, и просчитывает выгоды от этого, как и Алексей Петрович), 2) мотив прощения и связанный с ним мотив ухода: Иудушка накануне Пасхи, растревоженный словами священника, задается вопросом: «Он всех простил, а меня простит?» Почти бессознательно Порфирий Головлев отправляется на кладбище просить прощения у матери. Ничего уже нельзя поправить, герой не способен измениться, но его уход, его бессознательная попытка просить прощение, его движение подчеркивают человеческую природу героя, которая бунтует против омертвения, последнего нравственного падения, по мысли писателя-сатирика. П. В. Засодимский лишает своего героя даже этого бессознательного движения, попытки измениться и изменить свою жизнь.

У Алексея Петровича, как и у Иудушки, в особенное – праздничное – время возникает смутное ощущение своей вины и необходимости в прощении, но только на мгновение, в следующий миг он уже противоречит себе: «А, собственно, в чем?». У него рождается желание отправиться на Фурштадтскую, где они жили с Леночкой, где родился их сын: «И вдруг мне пришла в голову поистине блажная мысль – дикая и нелепая – сходить теперь же на Фурштадтскую улицу и взглянуть на окна той квартиры, где девятнадцать лет тому назад я жил с Леночкой и где – почти месяц – погостил у меня Саша!.. Я подошел к окну и отворил форточку, чтобы узнать, какова погода... Меня обдало холодом» [2]. Холод и ветер не остановили Иудушку Головлева, но остановили Алексея Петровича.

Таким образом, художественный замысел произведения, его проблематика продиктовали писателю необходимость обратиться к традиции рождественского и пасхального рассказов, чтобы создать сюжет предательства и невоскресения, который прочитывался как предательство идеалов, гуманистических ценностей русской интеллигенцией 1880–1890-х годов.

Герой П. В. Засодимского – один из «ноющих и причитающих» героев русской литературы эпохи безвременья. Однако сам он в своей «исповеди» называет таких героев, своих современников, иронически «самозванными пророками Иеримиями». Герою П. В. Засодимского неведомо чувство неудовлетворенности той общественно-исторической ситуацией русской жизни последних двух десятилетий XIX столетия, что было свойственно лучшим людям эпохи, ощущавшим кризис, застой в общественной жизни и искавшим путей выхода из него. Образ Алексея Петровича воплощает в себе торжествующее мещанство и пошлость, цинизм по отношению к миру и людям.

Свою позицию он сформулировал переименованной пушкинской строкой «Жизнь для жизни мне дана!», которая выражает его позицию крайнего эгоизма и индивидуализма.

В творчестве писателя-народника Засодимского критика интеллигенции, тема предательства идеалов нашли свое воплощение в литературных формах духовно-календарной словесности, которая позволила писателю произнести приговор современному «герою времени» с точки зрения христианской аксиологии.

Суд над конкретно-историческим ведется с христианской позиции, с точки зрения вечных христианских ценностей, что было весьма близко взглядам позднего Толстого, к которому П. В. Засодимский относился как к учителю и величайшему гению человечества. Писатель послал свой рассказ «Перед потухшим огоньком» лично Л. Н. Толстому, просил его советов и суда над рассказом.

Л. Н. Толстой высоко оценил назидательный смысл рассказа: «...прочел про себя и другой раз своим домашним, так он мне понравился. Это то самое искусство, которое имеет право на существование. Рассказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце. <...> Рассказ очень хороший и по форме и по содержанию» [2]. С точки зрения позднего Толстого, подлинное искусство то, которое проповедует христианские ценности, «должно сделать то, чтобы чувства братства и любви к ближним, доступные теперь только лучшим людям общества, стали привычными чувствами, инстинктом всех людей. Вызывая в людях, при воображаемых условиях, чувства братства и любви, религиозное искусство приучит людей в действительности, при тех же условиях, испытывать те же чувства, проложит в душах людей те рельсы, по которым естественно пойдут поступки жизни людей, воспитанных искусством. Соединяя же всех самых различных людей в одном чувстве и уничтожая разделение, всенародное искусство воспитает людей к единению, покажет им не рассуждением, но самую жизнь радость всеобщего единения вне преград, поставленных жизнью» [6, с. 211]. Эту проповедь любви и добра Л. Н. Толстой и оценил в рассказе П. В. Засодимского.

Список литературы

1. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. Становление жанра. СПб., 1995. 256 с.
2. Засодимский П. Перед потухшим камельком. Святочный рассказ // Святочные истории: Рассказы и стихотворения русских писателей. М., 1992. 320 с. Электронный ресурс. URL: http://az.lib.ru/z/zasodimskij_p_w/text_0050.shtml
3. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 248–260.

4. Николаева С. Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. Электронный ресурс. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/pashalnyj-tekst-v-russkoj-literature-xix-veka.html>
5. Петровский Н. А. Словарь личных имен. М., 1966. 384 с.
6. Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 41–221.
7. Якушин Н. И. По градам и весям: Очерки жизни и творчества П. В. Засодимского. Вологда, 1965. 300 с. Электронный ресурс. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zas/odi/msky/index.htm>

References

1. Dushechkina E. V. *Russkij svyatochnyj rasskaz. Stanovlenie zhanra* [Russian Christmas story. Formation of the genre] St. Petersburg, 1995. 256 p. (In Russian).
2. Zasodimskij P. *Pered potuhshim kamel'kom. Svyatochnyj rasskaz* [In front of an extinct fireplace. Christmas story] *Svyatochnye istorii: Rasskazy i stihotvoreniya russkih pisatelej* [Christmas stories: Stories and poems of Russian writers] Moscow, 1992. Elektronnyj resurs. URL: http://az.lib.ru/z/zasodimskij_p_w/text_0050.shtml (In Russian).
3. Zaharov V. N. *Paskhal'nyj rasskaz kak zhanr russkoj literatury* [Easter story as a genre of Russian literature] *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics] Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 1994. Vyp. 3. Pp. 248–260 (In Russian).
4. Nikolaeva S. YU. *Paskhal'nyj tekst v russkoj literature XIX veka: diss. ... kand. filol. nauk* [Easter text in Russian literature of the 19th century: dis. ...cand. of philol. sciences] Moscow, 2004. Elektronnyj resurs. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/pashalnyj-tekst-v-russkoj-literature-xix-veka.html> (In Russian).
5. Petrovskij N. A. *Slovar' lichnyh imen* [Dictionary of personal names] Moscow, 1966. 384 p. (In Russian).
6. Tolstoj L. N. *CHto takoe iskusstvo?* [What is art?] Tolstoj L. N. *Sobranie sochinenij: v 22 t.* [Collected works: In 22 vol.] Moscow, 1983. T. 15. Pp. 41–221 (In Russian).
7. YAkushin N. I. *Po gradam i vesyam: Ocherki zhizni i tvorchestva P. V. Zasodim-skogo* [By city and village: Essays on the life and work of Zasodimsky] Vologda, 1965. 300 p. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zas/odi/msky/index.htm> (In Russian).